L'ESCLAVAGE

INTÉRIEUR ET LA GUERRE DE LA LIBÉRATION

4625
Д 771

par M. Dragomanow.

ВНУТРЕННЕЕ РАБСТВО

и

ВОЙНА ЗА ОСВОБОЖДЕНІЕ.

М. ДРАГОМАНОВА.

Prix : 1 Franc.

GENEVE — BALE — LYON

H. GEORG, LIBRAIRE-ÉDITEUR

1877

Fи 0.9

ВНѢШНЕЕ ЗАРЕЛЬЕ

Ц 625
Д 771

ВНУТРЕННЕЕ РАБСТВО

и

ВОЙНА ЗА ОСВОБОЖДЕНІЕ.

М. ДРАГОМАНОВА.

1 экз.

GENÈVE — BALE — LYON

H. GEORG, LIBRAIRE-ÉDITEUR

1877

K.

4625
Д 771

Imprimerie Russe du *Rabotnik*, Montchoisy, 26, Genève.

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)
22/1 411346
26

2011
83

I.

ХУЖЕ НЕ ВОЗМОЖНО.

Болѣе полутора года собиралось воевать царство Русское съ Турціей и все не могло собраться. Наконецъ собралось. Пылкія фантазіи и недальновидные умы успѣли повитать уже и въ Константинополѣ. Но вмѣсто ожидаемыхъ быстрыхъ успѣховъ, русскимъ солдатамъ пришлось ложиться костьми и отступать и въ Арменіи, а теперь и подъ Балканами. Русскіе мужики въ солдатскомъ платьѣ опять оказались тѣмъ, чѣмъ они всегда были, — львами, которыми однакоже командуютъ ослы.

Война, которая, и при быстрыхъ успѣхахъ, могла затянуться и кончиться далеко неблистательно вслѣдствіе вмѣшательства иностранныхъ державъ, теперь, послѣ военныхъ неуспѣховъ, требуетъ крайнихъ напряженій со стороны народовъ, подвластныхъ русскому правительству. Людямъ образованнымъ среди этихъ народовъ нужно постараться, чтобъ эти напряженія не были истрачены напрасно и неумѣло этимъ правительстомъ, а для того имъ надо заглянуть въ подкладку событій, гдѣ мы увидимъ тѣ основные законы. которыхъ не отмѣняетъ одна-двѣ военныя удачи и которые напередъ опрэдѣляютъ наибольшее количество удачъ и неудачъ, повидимому зависящихъ отъ личнаго счастья или ловкости того или другаго дипломата, генерала и т. д.

Эти внутренніе законы относительно теперешней войны мы уже имѣли случай указать въ статьѣ „Чистое дѣло требуетъ чистыхъ средствъ,“ напечатанной въ петерб. газетѣ „Молва“, запрещенной за

эту статью правительствомъ, и яснѣе въ брошюрѣ „Турки внутреннiе и внѣшнiе“, въ которой любопытный читатель найдетъ предсказанымъ многое изъ случившагося въ послѣднее время въ русской арміи, интендантствѣ, печати. Признаемся откровенно, что мы сами не рады исполненію этихъ предсказаній, не рады и за нашихъ солдатъ и въ особенности за несчастныхъ турецкихъ христіанъ и что мы сами все ждали, что вотъ-вотъ произойдутъ ловкія дѣйствія какихъ нибудь смѣлыхъ личностей при счастливыхъ частныхъ обстоятельствахъ, — и наши предсказанія не оправдаются, и мы увидимъ разрѣшеніе, или хоть половину разрѣшенія, такъ называемаго, восточнаго вопроса въ интересахъ человѣчности и свободы. Это ожиданіе не разъ останавливало перо, готовое еще разъ пригласить соотечественниковъ обратить вниманіе отъ внѣшнихъ, по видимому случайныхъ частныхъ дѣйствій, къ внутреннимъ основнымъ законамъ, ихъ опредѣляющимъ, — и къ тѣмъ общимъ мѣрамъ, которыя должны принять общества племенъ, подвластныхъ русскому правительству, если они хотятъ между прочимъ и рѣшенія восточнаго вопроса такъ, чтобъ не быть ежеминутно въ опасности за свой трудъ и кровь, не говоря уже о крови угнетенныхъ турками народовъ, имъ родственныхъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ началось герцеговинское возстаніе, въ теченіе полутора года поведеніе петербургскаго правительства представляло чрезвычайно странное явленіе: Вся Европа, — кто со злостью, а кто съ сочувствіемъ, — говорила о томъ, что и все то противутурецкое движеніе у сербовъ и болгаръ есть дѣло рукъ петербургскаго правительства, а петербургскіе политики устами и оффиціозныхъ газетъ, и оффиціальныхъ нотъ, и въ „откровенныхъ“ разговорахъ самодержавнаго главы своего клялись всѣми святыми въ своемъ миролюбіи, въ своемъ нежеланіи потворствовать дѣлу революціи, панславистскимъ фантазіямъ, — и давали такія яркія подтвержденія словамъ своимъ, что, казалось бы, всякія сомнѣнія должны были быть разсѣяны.

Въ самомъ дѣлѣ: выступать на дипломатическую защиту „славянъ“ въ союзѣ съ теперешней Австріей, построенной на подавленіи славянъ нѣмецкой буржуазіей и мадьяр-

ской аристократіей, совѣтовать возставшимъ герцеговинцамъ принять „реформы“ Андраши, ничѣмъ не обезпеченныя, потомъ отказаться и отъ нихъ, и пойти на придуманную туркофильскимъ англійскимъ министерствомъ „административную автонимію Болгаріи,“ потомъ въ угоду туркамъ довести и ее до „международной жандармеріи,“ и наконецъ до нуля на константинопольской конференціи, и даже спуститься ниже нуля — до лондонскаго протокола, „его же смыслъ Ты, Господи, вѣси!“ — и все это время терпѣть, какъ бьютъ тѣхъ, кого мы думаемъ спасать, — еще ли это не доказательство миролюбія?! А между тѣмъ ни Европа, ни даже Россія не вѣрила этому миролюбію. Гдѣ же причина этого недовѣрія и гдѣ ключъ къ разъясненію загадочнаго поведенія петербурскихъ политиковъ?

Эти послѣдніе, теперь, когда, единственно благодаря „упорству“ Турціи, война наконецъ началась, — могутъ резониться тѣмъ, что мы молъ „желали до конца испытать степень упорства Турціи, и имѣть на своей сторонѣ общее сознаніе нашей правоты, и, пожалуй, — приготовиться къ войнѣ „до послѣдней пуговицы.“ Но врядъ ли исторія прійметъ подобныя объясненія, а туркофильская часть Европы все равно не тронулась этими уступками — и считаетъ войну противъ Турціи такимъ же беззаконіемъ, какъ и прежде, — и даже теперь имѣетъ на это довольно резонное основаніе, въ томъ, что теперь собственно почти не за кого заступаться: почти всѣ возставшіе усмирены или перебиты, — а турецкое правительство клянется въ томъ, что оно само проведетъ нужныя реформы. И если теперь эта часть Европы не двигается пока на защиту Турціи, то вовсе не потому, чтобъ считала Россію болѣе правою или даже болѣе сильною, чѣмъ если бы Россія два года назадъ, при самомъ началѣ герцеговинскаго возстанія, объявила свою программу радикальныхъ реформъ въ Турціи и двинула бы свои войска на поддержку этой программы.

Въ вышеупомянутой брошюрѣ нашей „Турки внутреніе и внѣшніе“ мы намѣтили въ общихъ чертахъ причины какъ „миролюбія“ петербургскаго правительства, такъ и недовѣрія къ этому миролюбію. Признаемся, что мы сами,

писавши эту брошюру тотчасъ послѣ запоздалаго ультиматума, остановившаго движеніе турокъ по княжеству Сербіи, не думали, чтобъ миролюбіе это могло спуститься до „международной жандармеріи“ и лондонскаго протокола. А между тѣмъ петербургская жандармерія, которая держитъ въ рукахъ своихъ судьбу Россіи и отъ которой ждутъ освобожденія славяне, спустилась еще ниже, чѣмъ мы того ожидали. И опущеніе это такъ же логично и естественно, какъ естественна всеобщая увѣренность (недальновидныхъ впрочемъ людей), что Россія горячо хочетъ освободить славянъ отъ турокъ. Эта послѣдняя увѣренность основана на исторіи Россіи за послѣднія два столѣтія. Бѣда только въ томъ, что смыслъ этой исторіи весьма теменъ не только въ Европѣ, но и въ Россіи, по весьма простой причинѣ,— по отсутствію въ Россіи всякаго подобія свободы науки, которая бы раскрыла этотъ смыслъ и даже собрала и обнародовала для того всѣ нужные факты.

У всѣхъ на глазахъ крупное явленіе: быстрое расширеніе предѣловъ московскаго царства съ 1/2 XVII вѣка до начала XIX в. на счетъ польскаго и турецкаго царства. Вся Европа указываетъ на это явленіе и все увѣрена, что вотъ вотъ Россія захватитъ дальше и земли прикарпатскія, придунайскія, а провозгласивши идею объединенія славянъ, прихватитъ и Богемію и Востокъ Адріатики. Угнетенные чужими славяне рады вѣрить тому же, —а московско-славянофильская фразеологія поддерживаетъ эту вѣру. Правительство же петербургское, какъ всякое другое, какъ женщина, о всепритягивающей красотѣ которой говорятъ ея соперницы и поклонники, не можетъ не чувствовать себя пріятно, при видѣ этихъ страховъ и надеждъ, но еще меньше можетъ отдаться влеченію, о коемъ ему говорятъ,—и стоитъ на мѣстѣ, увѣряя міръ въ своей лойяльности. Міръ, конечно, не вѣритъ и считаетъ Россію хитрымъ наслѣдникомъ Византіи, имѣющимъ двуглавую политику. Находятся мудрецы и въ Россіи, и въ Славянщинѣ, которые и въ самомъ дѣлѣ вѣрятъ въ эту тонкую мудрость, хитрость и т. п. политическіе таланты петербургскаго правительства.

Правительство же это, чтобъ разсѣять недовѣріе къ

нему его западныхъ соперниковъ, недовѣріе именно основанное на исторіи расширенія его владѣній въ XVII-XVIII в., указываетъ на свое поведеніе въ XIX в. „Посмотрите, говоритъ оно, — мы могли взять Константинополь въ то время, когда вся Европа была занята революціонно-наполеоновскими войнами, во время треволненій реставраціонныхъ, среди которыхъ вспыхнуло греческое возстаніе, въ 1830 году, въ 1848,—и не взяли,—а вмѣсто того мы спасали Европу отъ революціонной гидры, потомъ отъ Наполеона, мы семь лѣтъ не помогали греческому возстанію, мы спасли два раза султана отъ египетскаго паши, мы спасли Австрію въ 1848 г., мы теперь 1½ года писали бумаги „въ согласіи съ Европой," когда турки рѣзали сербовъ и болгаръ. Чего жъ вамъ больше"?

Однако то, что у насъ называется „Европой," не вѣритъ и боится „сѣвернаго колосса," славяне надѣются, русскіе болтуны, шовинисты и московскіе славянофилы обнадеживаютъ славянъ, — и простите на словѣ, — всѣ врутъ!

Дѣло въ томъ, что и въ Европѣ, и въ Зап. славянщинѣ и у насъ рѣдко кто понимаетъ смыслъ русской исторіи и даже значеніе расширенія границъ московскаго царства и выросшей изъ него петербургской имперіи въ XVII-XVIII в Царство это дѣйствительно поставлено въ условія, дающія ему возможность расширяться не только на Востокъ (тутъ дѣйствуютъ тѣ же причины, по которымъ Франція захватила было Рейнъ, Пруссія Вислу и т. п.), но и на Югъ и Западъ, гдѣ оно встрѣчаетъ племена родственныя, полуродственныя (бѣлоруссовъ, малоруссовъ,— дальше западныхъ и южныхъ славянъ) или единовѣрныя (румунъ, грековъ, — за Кавказомъ грузинъ, армянъ), — и при томъ племена, порабощенныя чужими или инымъ способомъ притѣсняемыя ими (бѣлоруссы и малоруссы поляками, а малоруссы прежде и турками, всѣ западные славяне нѣмцами, турками, мадьярами, — болгаре въ добавокъ еще и греками, а галицкіе малоруссы поляками, буковинскіе кромѣ нѣмцевъ и румунами, — румуны и греки турками,— грузины и армяне турками, персами, черкесами, курдами). И такъ какъ по большей части эти подчиненныя другимъ племена представляютъ изъ себя не только подвластныя чужимъ государствамъ національности, но и тѣснимыя

господствующими церквями религіи, а также подавляемыя чужими аристократіями и капиталистами низшія сословія,— то борьба эта въ полномъ смыслѣ слова была и есть борьба р е в о л ю ц і о н н а я,— революція національная, вѣроисповѣдная, политическая и соціальная, — т. е. борьба гораздо болѣе сложно-революціонная, чѣмъ напр. та, результатомъ коей явилась недавно объединеніе Италіи, которое ни друзья, ни недруги ипаче никогда и не понимали, какъ за революцію. Революціонное стремленіе это и борьба, сознательная или безсознательная, началось гораздо раньше, чѣмъ племена эти пришли въ соприкосновеніе съ московскимъ царствомъ, и ведется ежедневно и безъ него. Но, конечно, угнетенныя племена, религіи и сословія естественно обращаются съ надеждами къ сосѣднему государству, съ населеніемъ котораго у нихъ есть то, или другое сходство и которое въ силу своихъ расширительныхъ стремленій, свойственныхъ всѣмъ государствамъ, входитъ въ соперничество съ тѣми государствами, и племенами, отъ которыхъ терпятъ эти племена, религія и сословія. Вотъ это то революціонное стремленіе готовы принимать въ Москвѣ и Петербургѣ за платоническое стремленіе удостоиться чести принадлежать къ числу вѣрноподданныхъ б ѣ л а г о царя, а расширеніе предѣловъ владѣній этого царя на почвѣ этого революціоннаго стремленія народовъ, подчиненныхъ прежнему государству польскому, и теперешнимъ турецкому и австро - венгерско-польскому (въ Австро-Венгріи въ дѣйствительности существуетъ не дуализмъ, а тріализмъ, такъ какъ въ Галиччинѣ привилегированный государственный элементъ — польскій, который такъ же само гнететъ элементъ малорусскій, какъ и до раздѣла Польши), — принимается въ западной Европѣ и Россіи за результатъ воинственной, или мудрой политики московскихъ и петербургскихъ царей, императоровъ, воеводъ, генераловъ и дипломатовъ. — Отсюда всѣ недоразумѣнія.

Разрушать Турцію т. е. отгонять ее отъ сѣверныхъ береговъ Чернаго моря, которые передъ взятіемъ турками Константинополя были уже колонизованы малорусскимъ племенемъ между Днѣстромъ и Днѣпромъ и черезъ которые Турція, захвативъ ихъ въ концѣ XV вѣка, стала

получать рабовъ, галерниковъ и янычаръ изъ плѣнныхъ русскихъ племенъ,—раздѣлять Польшу, т. е. отнимать у нея не-польскія земли, начали въ XVI—XVII в. совсѣмъ не московскіе цари, а казаки, преимущественно казаки малорусскіе, элементъ не государственный, а народный и при томъ революціонный. Эти казаки присоединились къ Московскому царству вовсе не изъ платонической любви къ нему, а думая, что съ его помощью скорѣе достигнутъ цѣли своей революціи и освободятъ свои земли отъ польскихъ ксендзовъ, пановъ и чиновниковъ, а равно и отъ турецкихъ пашей и татарскихъ охотниковъ на человѣческій товаръ. Но московскіе цари, бояре и воеводы,—второе болѣе азіатское изданіе польскихъ пановъ и и старостъ,—а потомъ петербургскіе императоры и чиновники, — болѣе европейское изданіе турецкихъ султановъ и пашей, естественно не могли содѣйствовать этимъ революціоннымъ стремленіямъ, противурѣчившимъ тѣмъ началамъ, на которыхъ стояло ихъ царство, — а потому только мѣшали скорѣйшему исполненію національно-революціонной задачи украинскихъ казаковъ и крестьянъ. Первое дѣло, за которое взялись московскіе бояре и воеводы, послѣ присоединенія Малороссіи къ московскому государству въ 1654 г., еще во время совмѣстной войны ихъ съ украинскими казаками противъ Польши, — войны, которой казаки рѣшили не кончать, пока всѣ малоруссы подъ Люблинъ и Львовъ и всѣ бѣлоруссы подъ Вильну не будутъ освобождены отъ польскаго государства,—было противудѣйствіе распространенію казачества въ Бѣлоруссіи, результатомъ чего было продолженіе польскаго господства въ этой землѣ не только до раздѣла Польши въ 1772 г., но и до сихъ поръ. Второе подобное же дѣло было предоставленіе Андрусовскимъ договоромъ 1667 г. Польшѣ Украйны на правомъ берегу Днѣпра,—результатомъ чего въ связи съ опасеніемъ московскаго государства допустить политическую автономію и соціальную волю казаковъ и мужиковъ въ Малороссіи, были тридцатилѣтніе смуты въ этой странѣ, во время которыхъ значительная часть ея досталось туркамъ.

Но Московское царство не только парализовало силы своихъ западныхъ союзниковъ, а еще своею системою подъ-

ѣдало силы своего собственнаго населенія и ослабляло собственную способность даже къ внѣшнимъ войнамъ, не говоря уже о внутреннемъ развитіи, необходимомъ для преодолѣнія культурнаго вліянія соперниковъ. Наша осужденная на полуслова и добровольно лакейская печать въ Петербургѣ и Москвѣ въ послѣднее время не разъ вспоминала, какъ начало восточнаго вопроса для Россіи (лучше-бъ сказать для московской Руси) азовское дѣло 1641 г., — когда донскіе казаки съ помощью запорожцевъ взяли у турокъ Азовъ, одинъ изъ рынковъ торга русскими рабами, — и предложили московскому царю Михаилу принять его въ свои владѣнія, результатомъ чего должна была быть война съ Турціей. Но печать эта забыла привести отзывъ тогдашнихъ представителей великорусскихъ же украинскихъ людей и городовъ на земскомъ соборѣ: „разорены мы пуще (чѣмъ отъ) турецкихъ и крымскихъ бусурманъ московскою волокитою отъ неправдъ и не праведныхъ судовъ.“

Вотъ этотъ то страхъ деспотическаго и крѣпостническаго государства передъ всякимъ свободнымъ движеніемъ и эта то московская волокита и была причиною, почему раздѣлъ Польши состоялся не при Богданѣ Хмельницкомъ въ 1/2 XVII в., а затянулся до конца XVIII да еще совершился, подъ управленіемъ „мудрой“ петербургской дипломатіи такъ, что славянскіе Данцигъ, Познань, Краковъ, самая Варшава, достались нѣмцамъ, русская Галичина нѣмцамъ же, подъ которыми ею правятъ поляки, — а русскій народъ въ Бѣлоруссіи и правобочной Украинѣ остался подъ властію польскихъ пановъ, укрѣпленной грамотою о правахъ дворянъ Россійской имперіи и войскомъ, способнымъ лучше охранять панство, чѣмъ польскіе жолнеры и шляхетская милиція.

Подобную же услугу оказали московскіе и петербувскіе султаны и паши и Турціи. У насъ очень хвалятъ мудрость и энергію Петра Великаго, взявшаго у Турокъ Азовъ. Но при этомъ забываютъ, что Азовъ этотъ взатъ былъ послѣ приступа, начатаго самовольно козаками донскими и запорожскими и потомъ потерянъ во время прутскаго похода. А походъ этотъ не удался между прочимъ потому, что Петръ своею „мудрою политикою“ въ духѣ московскихъ „собирателей земли русской,“ знавшихъ одинъ только спо-

собъ собиранія — опустошеніе русскихъ земель (Рязани, Новгорода, Вятки, Пскова) хотя бы съ помощію татаръ и на корысть нѣмцамъ и шведамъ (на Псковско-новгородской „окраинѣ“)— истребилъ и заставилъ выселиться въ Турцію тотъ именно элементъ, который былъ наиболѣе приспособленъ къ войнѣ съ Турками, — казаковъ: донскихъ (Булавинцевъ и Некрасовцевъ) принимавшихъ бѣглецовъ отъ его жестокостей и тяготъ, потомъ запорожскихъ, — принимавшихъ бѣглыхъ донцовъ. *) Казенная исторія Россіи, — а наше общество не имѣетъ другой, — учитъ насъ восхищаться тѣмъ, какъ Минихъ, Ласси, Румянцевъ, Потемкинъ, Суворовъ на службѣ у „мудрыхъ“ петербургскихъ императрицъ всякаго происхожденія „пріобрѣтали“ отъ Турціи Новороссію и приближали Россію къ Константинополю. Только казенная исторія забываетъ напомнить, что „орлы“ этихъ императрицъ отбирали у татаръ и турокъ большею частію только то, что было уже въ рукахъ украинскихъ козаковъ въ ½ XVII в.ѣка и что было потеряно, благоддря „мудрости“ московскихъ и петербургскихъ собирателей, — послѣ Андрусовскаго мира и послѣ разоренія Сичи Запорожской при Мазепѣ.

Такимъ образомъ въ XVII-XVIII в. и относительно Польши, и относительно Турціи войны государственныя и дипломатическія затянули на 100 лѣтъ слишкомъ то дѣло, которое начали и почти кончили самопочиномъ и революціей вольные русскіе люди, казаки и мужики. И когда наконецъ дѣло это было покончено съ большими грѣхами пополамъ, единственно потому, что и Польша и Турція были ужъ слишкомъ противуестественными политическими тѣлами, догадливые люди въ Европѣ и въ Россіи рѣшили: 1., что Москов-

---

*) Петръ приказалъ Долгорукому взять Черкаскъ, а городки, лежащіе по Дону, Медвѣдицѣ, Хопру, Бузулуку и Иловлѣ сжечь и разорить до основанія, людей рубить, а заводчиковъ сажать на колъ и колесовать, ибо *сія сарынь ничьмъ, кромъ жестокости, не можетъ быть унята.* Не мѣшаетъ припомнить это теперь, когда наши войска встрѣчаютъ въ Добруджѣ потомковъ недорѣзковъ «Великаго Преобзователя Россіи» и когда «второй Преобразователь ея» повторяетъ Прутскій походъ, истощивъ силы Россіи политикою, въ которой матеріальное и нравственное опустошеніе «собираемыхъ окраинъ» играетъ весьма видную роль.

ско петербургское царство геніально-воинственно (обширность пріобрѣтеній) и 2., чрезвычайно хитро (медленность и трудность ихъ хода, самимъ этимъ царствомъ созданныя). Прошло нѣсколько времени, — и болтуны петербургскаго полулиберализма и московской полудемократіи прибавили еще и 3., — что царство это ужасно либерально и демократично въ своей внѣшней политикѣ и притомъ еще и 4., — ужасно безкорыстно и миролюбиво!!! — „Музыка, — тай годі!“ какъ говоритъ Шевченко.

Дѣйствитеьно въ XIX вѣкѣ по Западной и Югозападной границѣ Россійская Имперіи оказывается гораздо „безкорыстнѣе и миролюбивѣе,“ чѣмъ въ XVIII в. Дѣло въ томъ, что послѣ отнятія у Турціи сѣвернаго берега Чернаго (Русскаго) Моря и приближенія къ Днѣстру и Дунаю на югозападѣ и Нѣману на сѣверозападѣ, имперія эта натолкнулась на нѣсколько иныя варьяціи тѣхъ отношеній, которыя она встрѣчала до сихъ поръ, расширяясь на западъ. До конца XVIII в., до Нѣмана и Днѣстра, московское государство встрѣчало племена, хоть и отличныя, но болѣе родственныя себѣ и при этомъ единовѣрныя: то были малоруссы и бѣлоруссы, — племена особыя, но все таки и православныя и р у с с ы. Дальше пошли католики: литвины, поляки, — православные, но не славяне: румыны, греки, или если и слаьяне, то уже рѣзко отличные отъ москвичей: болгаре и сербы, уже никакимъ родомъ не руссы. Значитъ тутъ внѣшнее расширеніе государства требовало еще болѣе внутренней свободы строя государственнаго, еще болѣе революціонныхъ пріемовъ, на которые не могла пойти дворянско-поповская деспотія. А тутъ какъ разъ послѣ „временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма“ грянулъ революціонный громъ на всю Западную Европу и сталъ слышенъ и на востокѣ, — создались уже сознательныя ученія о политической свободѣ и соціальномъ равенствѣ, объ автономіи національностей. Эти ученія зацѣпили и Россію, какова она была, съ ея разнообразіемъ покоренныхъ племенъ, зацѣпили и тѣ племена, которыя Россіи приходилось „освобождать“ отъ ига турокъ, а потомъ прибавилось, — и отъ мадьяръ и нѣмцевъ. Какъ тутъ быть крѣпостническому царству?!

Пріобрѣсть лишнюю провинцію пріятно, — возсѣсть, или

посадить родственника на тронѣ Константина — лестно! Но что какъ пріобрѣтешь не для себя, а для „превратныхъ началъ народной свободы,“ — которыя поколеблятъ и внутренній деспотизмъ въ Россіи!?

Вотъ, откуда происходитъ то миролюбіе, безкорыстіе и т, п. добродѣтели русскаго правительства въ XIX в., съ которыми недогадливые люди не знаютъ, какъ быть: хвалить-ся или порицать. Правду сказавши, нужно быть очень уже недогадливымъ, чтобъ въ виду колебаній и просто глупостей петербурскихъ политиковъ съ конца XVIII вѣка: въ 1821-29, въ 1830-40-е годы (экспедиціи для спасенія Турціи отъ „революцій“ египетскаго паши) въ 1848 г., въ 1875-77г., еще думать: что молъ „начальство имѣетъ тонкіе виды,—все на усъ мотаетъ.“

Въ послѣдніе $1^1/_2$ года, со времени начала герцоговинскаго возстанія, петербургское правительство вело себя до того уже „тонко,“ что наконецъ самые недогадливые люди стали раскусывать, въ чемъ дѣло. Въ самомъ дѣлѣ,— ну, какой тутъ тонкостью объяснишь себѣ хоть то, что война объявлена не весною 1876 годъ, когда были цѣлы болгары и сербы. а въ 1877 году?

Не были готовы??! — Такъ и Турція не была готова! Сербы и болгары слабые союзники?! — Такъ вѣдь все таки союзники! А наконецъ теперь въ иныхъ мѣстахъ, напр. въ Герцоговинѣ, собственно и освобождать некого: всѣ перебиты, или выселелись и мрутъ въ Австріи! Да и въ Болгаріи болѣе энергическіе люди перерѣзаны еще въ прошломъ году. Или быть можетъ это-то истребленіе среди южныхъ славянъ всего, что могло на будущее время стать независимо, и входило въ тонкіе виды петербургско-московскихъ политиковъ? Тогда другое дѣло, — но не мѣшаетъ знать, что и въ этомъ послѣднемъ случаѣ не выигрываетъ славянское собираніе даже на московскій ладъ, такъ какъ на опустошенныя и лишенныя наиболѣе самостоятельныхъ элементовъ южно-славянскія земли есть охотники и кромѣ московско—петербургскихъ собирателей: австро—мадьярское государство. И значитъ, послѣднее оказывается тоньше нашихъ политиковъ. А вся то тонкость этихъ политиковъ и весь расчетъ нѣмецко-мадъярскихъ объясняется весьма простымъ закономъ, — что д е с п о т і я

не можетъ быть освободительницей, а особенной искренней и энергической.

О томъ, что Россія была совершенно азіатской деспотіей и съ конца XVIII в., въ послѣдніе годы правленія Екатерины II, при Павлѣ I, въ аракчеевскую эпоху правленія Александра I, во все время правленія Николая I, нечего и говорить. Даже наши лакействующіе публицисты и ораторы съ удовольствіемъ цитируютъ слова Хомякова о Николаевской Россіи: „въ судахъ черна неправдой чорной и всякой мерзости полна.“ Но, вѣдь и для этихъ публицистовъ и ораторовъ не тайна, что если и было когда либо въ Россіи въ послѣдніе 20-ть лѣтъ правленіе „царя освободителя,“ то послѣ 1866 г. оно рѣшительно замѣнилось правленіемъ „международной жандармеріи,“ которая не можетъ не бояться „за русскій выступить предѣлъ,“ на освобожденіе братскихъ народовъ, ибо прекрасно чувствуетъ тамъ начало предѣла и своему существованію.

Политическое рабство „отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,“ подавленіе мысли „отъ молдаванина и до фина,“ истощеніе народа поборами, стѣсненіе народнаго просвѣщенія всякаго рода чиновническими прицѣпкамм, религіозная нетерпимость, бросаніе въ казематы тысячъ молодежи, которая не осталась глуха къ народной нуждѣ, — вотъ что представлсетъ политическая Россія, особенно съ 1866 оода, когда правительство откровенно отказолось даже отъ того черепашьяго прогресса, которымъ плелось прежде, и испортило само даже имъ самимъ дарованныя полуреформы: крестьянскую, земскую, судебную, цензурную. Куда жъ тутъ освобождать другихъ?! Какъ же тутъ не провести, не напугать всякимъ Андраши, Биконсфильдамъ нашихъ Высочайшихъ кадетовъ-освободителей въ отставкѣ и нашихъ полуобразованныхъ министровъ, между которыми только и есть два дѣйствительно умныхъ человѣка, (да и то одинъ — спеціалистъ, а другой — дряхлый старикъ) и нѣтъ иподного политически воспитаннаго, т. е. свободнаго человѣка!

Ну, и провели же насъ друзья союзники! а если мы сами такъ ловко провели себя,—то еще лучше!!

Чтобъ показать несочувствіе революціоннымъ стремленіямъ, русское правительство не только дало перебить сво-

ихъ естественныхъ союзниковъ, болгаръ и сербовъ, въ 1875 — 76 г., но даже, начавъ войну въ 1877 году, не пожелало, по той же причинѣ, помощи Сербіи и лишило себя лишней и болѣе легкой дороги черезъ Балканы, что даже по оцѣнкѣ московскихъ газетъ равно пожертвованію 50,000 человѣкъ русскихъ солдатъ (слушайте! слушайте, русскія матери и жены)!... Кромѣ того, этою мудростію наше правительство „освободило“ виддинско-софійскую армію Османа Паши и даже герцеговинскую армію Сулеймана Паши отъ необходимости дѣйствовать на западѣ и дало имъ возможность побить русскихъ подъ Плевною и Эни-Загрою,—и въ довершеніе всего поставило весь исходъ побѣдъ русскихъ, если бы они и были, въ зависимость отъ Австріи, передъ которою является обезлюденнымъ и обезоруженнымъ весь сербскій сѣверозападъ балканскаго полуострова!

Вообще отношенія нашего правительства къ Австріи послѣ всего того, что случилось въ часы метерниховскіе, послѣ 1848 г. и въ послѣднюю восточную войну, показываютъ или самодурство и легкомысліе одной личности, доходящее до измѣны, или невѣжество самое элементарное. Достаточно взглянуть на карту и вспомнить событія 1855 года, чтобъ понять, что Австрія можетъ движеніемъ въ Валахію заградить дорогу изъ Россіи къ Балканамъ и слѣдовательно отнять у насъ плоды самыхъ блестящихъ побѣдъ надъ турками, если не будетъ остановлена внутреннимъ движеніемъ славянъ. Если бы еще кто нибудь сомнѣвался въ томъ, что на балканскомъ полуостровѣ Россіи трудно вести войну только какъ войну, — а не войну—изъ за ясно поставленныхъ принциповъ свободы національной, политической и соціальной, т. е. войну именно революціонную,— то достаточно было бы немного вниманія къ той роли, какую можетъ сыграть, — и играетъ въ теченіе всего XIX в. Австрія въ восточномъ вопросѣ, чтобъ понять это. Если бы наше правительство внутренней своей политикой за послѣдніе десять-двадцать лѣтъ показало ясно, что оно опирается на политическую и національную свободу, понимаетъ хоть сколько нибудь интересы массъ народныхъ, хоть въ видахъ собственныхъ выгодъ, и за тѣмъ, вступая въ войну съ Турціей, изда-

ло не такой ничтожный манифестъ, въ которомъ обѣщается какое то улучшеніе турецкой администраціи, а вступая въ Болгарію вмѣсто какого то неяснаго бормотанія, прямо заявило, что оно намѣрено предоставить народамъ балканскимъ распорядиться всею своею землею и судьбою по ихъ волѣ, — тогда бы нечего было ему унижаться передъ Австріей и Пруссіей. Тогда бы всѣ славянскіе народы, не исключая и поляковъ, энергически были бы на сторонѣ Россіи, тогда бы народныя массы на балканскомъ полуостровѣ знали бы, что они получатъ, присоединяясь къ русскимъ войскамъ, а въ самой Австріи и въ славянскихъ земляхъ Германіи эти массы были бы до глубины взволнованы надеждами на Россію и тогда бы дѣйствительно можно было бы разсчитывать на то, что сила народнаго славянскаго элемента удержитъ мадьярскую аристократію и нѣмецкую буржуазію отъ помощи туркамъ. Но русское правительство, послѣ того всего, что она надѣлало внутри страны по политическимъ, національнымъ и соціальнымъ вопросамъ, не могло выступить съ такою ясною народнославянской программой,—и предпочло прямо и косвенно придавить самое энергическое изъ западнославянскихъ племенъ, сербовъ, чтобъ только не возбудить именно славянскаго духа и тѣмъ не раздражить Австрію, которая все равно никакими уступками не удовольствуется и ни къ какой благодарности не расположится! И вотъ теперь исходъ войны зависитъ отъ милости этой самой противуславянской Австріи, а ея нейтралитетъ отъ милости Пруссіи, которая сама давитъ своихъ славянъ и которая мало расположена и къ лиризму, и къ благодарности и во главѣ которой стоятъ слишкомъ реальные люди, чтобъ ихъ могли растрогать вещественные знаки невещественныхъ отношеній, вышитые благонравными московскими дамами и дѣвицами.

Таковы, созданныя мудростію нашего правительства, внѣшнія условія теперешней войны, не говоря уже о томъ, что всякому образованному европейцу нужно имѣть по истинѣ слишкомъ большой умъ и дальновидность, чтобъ сочувствовать движенію русскихъ на Константинополь, вѣруя въ естественный прогрессъ, который де можетъ

превратить въ свободное политическое тѣло скорѣе султанство петербургское, чѣмъ стамбульское.

Что же до внутреннихъ условій, то вѣдь это старая истина, что всякая деспотія поѣдаетъ силы страны, отъ которыхъ требуется особенное напряженіе въ военное время.

Всѣ мы, люди среднихъ лѣтъ, помнимъ еще время, когда лучшіе русскіе люди, измученные разрушительною системою николаевскаго царствованія, готовы были довольствоваться малымъ, самымъ умѣреннымъ, но лишь бы твердымъ прогрессомъ, и самымъ искреннимъ способомъ предлагали свои услуги государству, отъ котораго ждали такого прогресса. Помнимъ мы, какъ и такіе люди, какъ Герценъ, выражали надежды, на главу нашего государства и скромнѣйшія пожеланія отъ реформаторской дѣятельности правительства. Съ извѣстной точки зрѣнія, можетъ быть, оно и лучше, что правительство наше разбило эти надежды и не исполнило самыхъ скромныхъ желаній: оно поставило такимъ образомъ на чистоту многіе политическіе и соціальные вопросы и ихъ рѣшеніе въ будущемъ. Но для настоящаго момента, когда на сценѣ дѣйствія остается одно правительство и когда населеніе, хочешь—не хочешь, а должно нести послѣдствія двадцатилѣтней безтолочи, которую рабы добровольные и невольные зовутъ „эрой реформъ“ въ Россіи,—послѣдствія эти ужасны. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что, если бы освобожденіе крестьянъ было совершено хоть чуточку ближе къ тѣмъ надеждамъ, которые высказывались лучшими людьми въ концѣ 50-хъ и 60-хъ годовъ, если бы крестьяне получили земли и больше, и лучше, и дешевле,—если бы выкупъ земель крестьянскихъ былъ сопровождаемъ податной реформой и вообще реформой налоговъ, которая бы устранила гнетъ подушнаго налога, соляного, подушнаго, если бы всѣ министерства народнаго просвѣщенія до послѣдняго не провели время только въ колебаніяхъ и примѣриваніи системъ народныхъ школъ, а послѣднее въ парализаціи всего того, что прежде было сдѣлано, и земствомъ, и самимъ правительствомъ,—если бы все, что дѣлалось въ Россіи во время такъ называемаго десятилѣтія реформъ, совершалось

подъ контролемъ хоть сколько нибудь свободной печати, —то и финансовая сила государства была бы теперь совсѣмъ другая. Другая бы была и финансовая, и нравственная сила его и тогда, если бы послѣднее десятилѣтіе не было употреблено на порчу всѣхъ и тѣхъ скудныхъ реформъ, какія „дарованы были прежде.“ Мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ, кто считаетъ просвѣщенную бюрократію за идеалъ общественной жизни,—но не можемъ не указать еще на одну особенность политической жизни Россіи въ послѣднее двадцатилѣтіе. „Прогрессивное“ правительство царя-освободителя являло во всѣ эти двадцать лѣтъ въ своемъ родѣ единственное явленіе въ исторіи: истребленія и удаленія отъ дѣлъ именно тѣхъ людей, которые наиболѣе искренно встрѣтили сначала самыя робкія намѣренія правительства покончить съ системой Николая I. Если политическая мудрость состоитъ въ томъ, чтобъ истреблять людей своей партіи и поручать исполненіе своихъ „предначертаній“ врагамъ ихъ, — то, безспорно, мы обладали за послѣдніе двадцать лѣтъ мудрѣйшимъ правительствомъ! Только это ужъ что то очень мудреная мудрость,— такая же мудреная, какъ мудрено освобождать славянъ балканскихъ въ союзѣ съ тѣми, кто давитъ славянъ приэльбскихъ, придунайскихъ и самимъ давить славянъ привислянскихъ и приднѣпровскихъ!

Опять таки не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что если бы наше правительство послѣ польскаго возстанія удержалось хоть на той программѣ, которую оно возвѣщало торжественно въ 1863 — 64 г., — а именно на подавленіи аристократическаго и ультрамонтанскаго меньшинства въ Польшѣ безъ посягательствъ на польскую народность, если бы оно не взялось за нелѣпую уже по самой неисполнимости своей систему обрусенія Польши, такъ же нелѣпую, какъ совершенно достойная глуповскаго градоначальника выдумка называть цѣльный, чувствующій свою жизненность край Привислянскимъ,—то и положеніе русскаго правительства въ Польшѣ и во всемъ славянскомъ да и европейскомъ мірѣ было бы совсѣмъ не такое, какъ теперь *).

*) Мы не разъ разбирали политику нашего правительства относи-

То же самое слѣдуетъ сказать и относительно Кавказа, въ которомъ безспорно относительно горцевъ-магометанъ сдѣлано было нашимъ православно-самодержавнымъ правительствомъ множество притѣсненій, совсѣмъ неоправдаемыхъ даже съ государственной точки зрѣнія. Прочтите напр. въ книгѣ Каницца о Болгаріи главу о „Кавказѣ подъ балканами“ и вы увидите, что это русское правительство облагодѣтельствовало братьевъ-болгаръ переселенными черкесами, при этомъ нисколько не укрѣпивъ своего положенія на Кавказѣ и осудивъ русское общество быть отвѣтственнымъ за безчеловѣчія вытѣсненія цѣлыхъ племенъ съ ихъ родины, — и куда жъ? напр. подполярныя въ Олонецкую или Пермскую губерніи! Еще

тельно поляковъ въ подробностяхъ (напр. въ статьяхъ „Восточная политика Германіи и Обрусеніе» въ Вѣст. Европы 1872 г., «Евреи и поляки въ въ Юго-западномъ Краѣ» тамъ же въ 1874 г., «По вопросу о малорусской литературѣ» Вѣна 1876 г.) Иногда намъ возражали защитники правительства, напр. ректоръ Варшавскаго университета, теперь оренбургскій попечитель, профессоръ-славянофилъ г. П. Лавровскій, въ Журн. Министр. Нар. Просв. въ 1873 г., что никто не думаетъ обрусить Польшу, а желаютъ только ее объединить съ Россіей. Это называется: «не вмер Даньло, — болячка задавыла.» Подчиненіе Польши петербургскимъ чиновникамъ, раздача имъ майоратовъ на польской землѣ, введеніе русскаго языка вмѣсто роднаго полякамъ въ университетѣ, гимназіи, въ судъ и въ значительной степени даже въ низшія школы, — что же это такое, какъ не посягательство на польскую народность? Любопытно, что въ послѣднее время нѣкоторые петербургскіе публицисты и профессора въ томъ числѣ въ особенности даже господа, принимавшіе въ 1869 г. участіе въ коммиссіи, строго судившей студентовъ, — требовавшихъ себѣ того, что имѣютъ студенты во всѣхъ европейскихъ университетахъ: корпоративныхъ собраній, читаленъ, кассъ и т. п., — начали фразировать на тему примиренія съ поляками на почвѣ славянства, — но не рискнули указать ни одной практической уступки польской народности, уступки не только политической, въ родѣ автономіи чисто польскихъ земель, но даже культурной, въ родѣ, напр. возвращенія польскому языку по праву принадлежащихъ ему судовъ и школъ. И еще эти господа смѣютъ называть себя славянофилами, людьми независимыхъ мнѣній, смѣютъ, что называется, «лѣзть въ калашный рядъ,» подавая голосъ передъ учеными и политическими людьми европейскими! Установите, господа, хоть крохотную политическую и національную свободу въ вашемъ государствѣ, да тогда и говорите о такихъ матеріяхъ, какъ «примиреніе,» «славянство» и т. п! А не беретесь за это, — такъ достойнѣе будетъ молчать! Вѣдь *неполноправные* не могутъ же заключать какихъ бы то ни было договоровъ и обязателствъ!

бы послѣ этого кавказцы оставались „мирными“ въ виду турецкаго войска!

Если бы такимъ образомъ само наше правительство не испортило своего положенія и въ Польшѣ, и на Кавказѣ, и всюду въ Россіи, тогда бы, конечно, на Дунай и въ Арменію можно бы было отправить гораздо большія силы, чѣмъ теперь, когда приходится опасаться внутреннихъ возстаній и бороться съ ними на Кавказѣ въ тылу арміи, двинувшейся въ Арменію.

Теперь же, послѣ всѣхъ „мудростей“ во внѣшней и внутренней политикѣ, наше правительство довело Росоію до положенія, хуже котораго не возможно, до униженія, подобнаго которому давно не видѣла исторія: на двухъ театрахъ войны побита величайшая по числу жителей изъ европейскихъ державъ государствомъ-банкротомъ и имѣющимъ втрое меньшее число жителей, подлежащихъ военной повинности. (Въ Россіи такого населенія около 75,000,000, а въ Турціи со всѣми вассальными землями въ Азіи и Африкѣ всего 42.000.000 жителей — въ коихъ поставляющихъ войско нѣтъ и 25.000.000). Стыда этого не спрячешь и дальнѣйшими побѣдами, даже если бы они и были,—такъ какъ втрое сильнѣйшее государство должно же наконецъ побѣдить слабѣйшее въ войнѣ одинъ на одинъ. Подобнаго стыда не переживала Россія и при Николаѣ I, когда она была побита все таки европейскимъ союзомъ державъ великихъ и болѣе ея цивилизованныхъ, а не одною „варварскою“ и „больною“ Турціею. Вотъ ясное доказательство, что въ политическомъ отношеніи лучше совсѣмъ не начинать реформъ, чѣмъ вести ихъ безъ системы, не оканчивать и портить и наконецъ остановиться, — и что во всѣхъ отношеніяхъ лучше совсѣмъ не начинать войнъ, особенно такъ называемыхъ освободительныхъ, чѣмъ не знать, за чѣмъ ихъ ведешь, и даже не знать хочешь ли воевать, или нѣтъ, а особенно не знаетъ, что собственно такое освобожденіе. Ужъ хуже такого образа дѣйствій совсѣмъ ничего и не выдумаешь!

II.

МЕНЬШЕ НЕЛЬЗЯ.

Такихъ е с л и б ы, какъ написанныя выше, мы могли бы насчитать безъ конца. Эти е с л и б ы тѣмъ поучительнѣе, что о всѣхъ и каждомъ изъ нихъ можно сказать смѣло, что они вовсе не радикальны, совсѣмъ не трудны для исполненія и были напередъ предсказаны весьма значительнымъ количествомъ здравомыслящихъ людей, которыхъ господствующая въ Россіи система перебила, перекалѣчила, отбила отъ дѣлъ на вредъ нетолько народамъ и обществамъ, но и государству, и даже самому войску. Все то, что нужно было сдѣлать по этимъ е с л и б ы — это было такое, м е н ь ш е ч е г о н е л ь з я было потребовать мало мальски образованному обществу и м е н ь ш е ч е г о н е л ь з я было сдѣлать всякому сколько нибудь умному правительству.

Но наше реформирующее правительство 20 лѣтъ билось изъ-за того, какъ бы сдѣлать реформу поменьше, побольше отвѣчающею „предначертаніямъ родителя нашего,“ — и добившись наконецъ до того, что положеніе Россіи дѣйствительно подошло къ положенію ея передъ севастопольской войной, — вдругъ идетъ опять на Дунай не то за вѣру, не то за свободу братьевъ! Но неловкость положенія заставляетъ, если не само правительство (оно пошло назадъ по части предупредительности къ обществу и удостаиваетъ послѣднее объясненіями гораздо меньше, чѣмъ даже въ 1863 г. во время польскаго дѣла, и въ 1867 года во время кандійскаго) — то его лакеевъ-добровольцевъ въ столичныхъ газетахъ увѣрять, что молъ Россія теперь не та! Теперь-де воюетъ Россія свободная!

Къ стыду столичныхъ ораторовъ и писателей, даже болѣе порядочнѣе изъ нихъ, забывъ то, что сами же писали о безсистемности и непрочности „десятилѣтія реформъ“

пустились доказывать то же самое въ слѣдъ за вольными и служащими лакеями петербургскаго правительства. Мы не говоримъ уже о такъ называемыхъ славянофилахъ, которые почему-то считаются у насъ людьми независимыми и славянофилами, между тѣмъ какъ они ни то, ни другое, какъ это доказываютъ между прочимъ и рѣчи г. Аксакова въ московскомъ комитетѣ. У этого независимаго банкира-оратора достало независимости только на туманныя выходки противъ какого-то Петербурга, но оказалось въ запасѣ столько холопства, чтобъ сей часъ же ударить поклонъ передъ мудростію правительства, — какого?! Тимашева, Толстого, Шувалова, Валуева и пр. и пр. которые, кажется, достаточно проучили и самаго оратора!.. У этого „славянофила“ не оказалось ни слова въ запасѣ не только противъ обрусенія Польши, противъ запрещенія украинской литературы, но даже противъ преданія сербовъ Австріи, но за то оказалось столько дьячковства, чтобъ въ письмѣ къ Ригеру свести все славянское дѣло на вопросъ православія, и столько московскаго поддьячества, чтобъ кинуть камнемъ въ либеральныя стремленія „молодой Болгаріи,“ смиреннѣйшей изъ всѣхъ „молодыхъ“ партій въ славянствѣ. Отъ этихъ прокуреныхъ ладаномъ и привыкшихъ къ челобитьямъ ревнителей славянства, которые передѣлали прежнюю формулу Николая Павловича „православіе, самодержавіе и народность“ въ нѣчто еще худшее: „православіе, самодержавіе и обрусеніе“ и захватили себѣ монополію панславизма въ Россіи, только благодаря отсутствію въ ней свободы слова и недальновидности петербургскихъ либераловъ и ихъ полно уже невѣжеству въ славянскихъ дѣлахъ, — и ждать нечего!

Но даже эти самые петербургскіе либералы устами одного журнала похвалили мудрость правительства, которое не поддалось нетерпѣливымъ крикамъ прошлаго года (въ томъ числѣ, напомнимъ мы, и вашимъ статьямъ: „Воевать, или не воевать?“ и „На всемірную свѣчу“),—и устами другого повторили нелѣпость, что теперь не та Россія, что въ севастопольскую войну! Какъ же не та?! Во время войны важна именно политическая сторона строя страны, — а въ политическомъ отношеніи Россія совершенно не измѣнилась за послѣдніе двадцать лѣтъ.

Указываютъ на новый судъ. Но, — оставивъ все прочее, — развѣ этотъ судъ имѣетъ право судить взяточниковъ, ворующихъ интендантовъ и т. п., развѣ по прежнему отдача чиновниковъ подъ судъ, даже принятіе въ какое нибудь вниманіе жалобы на нихъ не зависитъ исключительно отъ ихъ высшаго начальства, — а слѣдовательно развѣ въ чемъ нибудь измѣнили уставы 20 Нояб.. 1864 г. то положеніе дѣлъ, которое изображено въ баснѣ Крылова „Крестьяне и Рѣка?“ Да что ужъ и говорить о правѣ гражданъ преслѣдовать судомъ нарушающихъ ихъ интересы чиновниковъ, когда въ Мартѣ прошлаго года министръ юстиціи Палинъ вмѣстѣ съ похваляемымъ петербургскими газетами, начальникомъ департамента, г. Кони разослали циркуляръ прокурорамъ, чтобъ эти не торопились преслѣдовать судомъ ворующихъ банковыхъ чиновниковъ, между тѣмъ какъ другимъ циркуляромъ министра въ Іюнѣ того же года тѣмъ же прокурорамъ предписывается воздерживаться отъ преслѣдованій лѣсныхъ сторожей, стрѣляющимъ по мужикамъ „лѣсокрадамъ.“ Какихъ же еще нужно доказательствъ, что нашъ пресловутый „судъ равный для всѣхъ“ не составляетъ ровно никакой гарантіи ни „собственности,“ ни даже „жизни“ для населенія отъ чиновниковъ не только правительственныхъ, но и капиталистическихъ,—чего впрочемъ и не можетъ быть безъ того, чтобъ самъ судъ этотъ былъ гарантированъ политической свободой.

Указываютъ далѣе, какъ на новость, навсесословное земство! Но во 1-хъ какъ нарочно въ Западныхъ губерніяхъ, пограничныхъ и ближайшихъ къ войнѣ и потому такихъ, на земство которыхъ всего тяжеле падаетъ постой и передвиженіе войскъ, ополченіе и т. п., — какъ нарочно нѣтъ и тѣхъ скромныхъ и обрѣзанныхъ земскихъ учрежденій, съ которыми недавно носились наши либералы, какъ съ шагомъ представительному правленію. Это отсутствіе провинціальныхъ земствъ въ цѣлой трети Европейской Россіи не только составляетъ одинъ изъ главныхъ тормозовъ къ созванію всероссійскаго земства, но и совершенно отдаетъ всѣ хозяйственныя дѣла областей этихъ въ руки совсѣмъ уже „дореформенныхъ“ чиновниковъ, сохраняя при томъ, къ явной невыгодѣ массъ народа, сословность нало-

говъ и повинностей, столь тяжелыхъ во время войны Какъ ни пріучены мы нашей столичной печатью не удивляться ея невѣдѣнію и трусости, но признаемся, на этотъ разъ отсутствіе и намека въ ней на то, что не худо бы ввести наконецъ столь любимыя ею земскія учрежденія въ Западныя губерніи и въ Польшу болѣе, чѣмъ удивительно.

Но этаго мало! Хвалятся нашими земскими учрежденіями, которыхъ-де не было передъ Севастопольской войной! Но развѣ уѣздныя и губернскія земства могутъ выказать какое нибудь отношеніе къ войнѣ, началу ея и ходу, кромѣ подачи хвалебнаго адреса? Развѣ есть у насъ хоть подобіе всероссійскаго земства, на которое одно только и можно бы было указать, какъ на что-то новое, въ политическомъ отношеніи? И развѣ въ чемъ бы то ни было теряется въ Россіи контроль общественнаго мнѣнія даже въ печати, даже относительно второстепенныхъ агентовъ правительства, даже отъявленыхъ злоупотребленій? Давно ли печати запрещено было жаловаться на Струсберговъ и воровства банковыхъ чиновниковъ? Развѣ не прихлопнуло правительство даже оффиціозный „Голосъ“ за смиреннѣйшую статью скромнѣйшаго изъ либераловъ г. Маркова, который осмѣлился выставить нѣсколько примѣровъ злоупотребленій и небрежности чиновниковъ во время мобилизаціи арміи? Развѣ, словомъ, Россія въ политическомъ отношеніи представляетъ что нибудь другое, кромѣ формулъ, влагаемыхъ сатирикомъ въ уста восточныхъ знатныхъ иностранцевъ: „народъ нѣтъ, помпадуръ есть. — политикъ жаме, ура тужуръ!“

И если на это даже не намекнули въ рѣшительный моментъ наши столичные вожаки общественнаго мнѣнія изъ славянофиловъ и западниковъ, то это показываетъ только то, на сколько и они упали въ послѣднее время и на сколько это общественное мнѣніе, которое не можетъ же не быть въ Россіи, и въ провинціяхъ, и въ столицахъ, осталось теперь безъ выразителей.

Столичная политическая печать оказалась даже ниже самой себя. На нее просто приходится махнуть рукой. Ея дѣятели и распорядители, даже болѣе развитые и порядочные, очевидно, слишкомъ помяты казенными порядками, и

слишкомъ приспособились къ нимъ, чтобы сдѣлать энергическій починъ къ ихъ измѣненію.

Не болѣе утѣшительнаго вынесемъ изъ зрѣлища и верховъ интелигенціи провинціальной. Изъ всѣхъ провинціальныхъ культурныхъ движеній въ предпослѣднее время болѣе другихъ заставило было говорить о себѣ направленіе украинское. Собираніемъ денегъ на герцеговинское возстаніе, посылкою туда волонтеровъ еще въ 1875 г. украинскіе города, Кіевъ и Одесса, дали было поводъ думать, что въ нихъ есть люди съ признаками политическагп развитія, — но увы! вмѣсто того, чтобы выступить съ самостоятельной программой федерально-демократическаго панславизма, украинцы попрятались въ норы, или пристали къ опозорившимъ себя союзомъ съ жандармами славянскимъ комитетамъ, или устами автора статьи „Полякамъ-миротворцамъ“ показали, что забыли и то, что можно были вывести изъ ихъ же трудовъ, — а и именно: что одно дѣло польскій вопросъ на бѣлорусско-украинской землѣ и другое на чисто польской, — и что если поляки не правы въ одномъ мѣстѣ, то правы въ другомъ, а русское правительство болѣе, чѣмъ не право, а глупо и въ одномъ и въ другомъ.

Такимъ образомъ государство русское выступило на сцену совершенно недальновиднымъ, неэнергичнымъ внѣ и внутри, какъ иначе и быть не могло съ деспотіей, а видные представители русской интелегенціи оказались лишенными всякаго чутья дѣйствитсльнаго положенія дѣлъ и интересовъ страы и всякаго личнаго достоинства.

Не пора ли образованнымъ людямъ всѣхъ племенъ, входящихъ въ составъ Россіи, выступить самимъ на сцену, помимо оказавшихся негодными и неумѣлыми патентованныхъ представителей ихъ, казенныхъ, полуказенныхъ и частныхъ, не смѣющихъ выступить самостоятельно и свободно? Не пора ли имъ вырвать изъ рукъ недобросовѣстнаго и неумѣлаго чиновничества веденіе дѣлъ внутреннихъ и внѣшнихъ, привести въ гармонію внутренюю и внѣшнюю политику страны, основавъ ее на началѣ свободы, и вывести страну изъ противурѣчій и губительной безтолковщины, по которой тащутъ ее чиновники къ разоренію и пораженіямъ?

Мы не беремся предсказывать подробностей направле-

нія, какое могутъ принять военныя событія даже въ то время, пока будутъ печататься наши слова. Одно, вѣроятно, что съ надеждами на скорое и радикальное рѣшеніе восточнаго вопроса разъ на всегда, на какое могла бы быть вѣроятность, если бы въ прошломъ году русское общество сначало отмѣнило въ Россіи господство турокъ внутреннихъ, а потомъ уже принялись за турокъ внѣшнихъ, — придется на этотъ разъ проститься!

По части собственно военной мы позволимъ себѣ выразить только одно желаніе, которое, конечно, раздѣлятъ съ нами и всѣ военные люди: и возможно скорѣйшемъ удаленіи изъ арміи нашихъ всѣхъ „августѣйшихъ“ лицъ, такъ какъ тѣ изъ нихъ, которыя не командуютъ или должны командовать только для формы, стѣсняютъ дѣйствительно дѣловыхъ людей, вмѣшиваются въ дѣла, которыхъ не смыслятъ. „августѣйшій“ же командиръ Дунайской арміи достаточно извѣстенъ всей Россіи отсутствіемъ всякихъ талантовъ, чтобъ не сказать болѣе. Къ тому же иностранныя газеты говорятъ и даже русскія намекаютъ на то, что премудрый планъ идти за Балканы, оставивъ съ обоихъ боковъ себя нетронутыя турецкія арміи, — планъ, который сбилъ всю компанію до сихъ поръ бывшую и будетъ сбивать и дальнѣйшую, какъ всякій планъ, который трудно исполнить, но трудно разъ начавши, и бросить,—говорятъ, что этотъ несчастный планъ именно и принадлежитъ нашимъ „августѣйшимъ“ стратегамъ.

Но обратимся къ дѣламъ политическимъ, которыя составляютъ подкладку и регуляторъ военныхъ.

Мы не можемъ, при безгласности и безтолковщинѣ веденія дѣлъ нашей страны безконтрольными чиновниками, судить съ точностью о средствахъ Россіи для веденія сложной войны. Быть можетъ, чиновники эти такъ запутали дѣла и раззорили населеніе матеріально и нравственно, что оно не въ состояніи вынести никакого сильнаго напряженія, но быть можетъ, въ странѣ есть еще большіе ресурсы, которыми только не умѣютъ пользоваться эти чиновники. То и другое можетъ рѣшить только гласность и самоуправленіе населенія. Понятно, что разъ поднявши войну,—желательно сдѣлать ее послѣднею по данному во-

просу, хотя бы и съ большими пожертвованіями, — но понятно также, что если при внутреннемъ раззореніи страны, при отсутствіи способныхъ военноначальниковъ, и нужныхъ запасовъ, при испорченныхъ безповоротно внѣшнихъ условіяхъ войны, неблагопріятный исходъ ея становится почти вѣрнымъ,—то лучше окончить ее скорѣе, не входя въ напрасныя потери и не подвергая гибели другихъ. То и другое, повторяемъ, можетъ рѣшить только само населеніе Россіи. А потому во всякомъ случаѣ, если затянется война,—такъ чтобъ она велась съ энергіей и безъ ошибокъ, подобныхъ экспедиціямъ къ Карсу и Плевнѣ, безъ неумѣрныхъ тратъ (вспомнимъ г. Варшавскаго и подводы) и такого же воровства (склады на станціи Раздѣльной), если кончится скоро, — такъ для того, чтобъ при неумѣломъ и трусливомъ правительствѣ у насъ не вырвали плодовъ побѣдъ, и для того, чтобъ, у насъ не вышли пререканія съ освобожденными румынами, сербами, болгарами, греками, наконецъ для того, чтобъ намъ самимъ жить и управляться сколько нибудь по человѣчески, и во время войны, и послѣ ея, надо, не теряя времени, приняться за самоосвобожденіе.

Можно бы было написать болѣе или менѣе широкій проэктъ реформъ политическихъ и соціальныхъ, для осуществленія этого самоосвобожденія. Но мы ограничиваемся указаніемъ такихъ пунктовъ, относительно которыхъ не можетъ быть спора среди сколько нибудь политически образованныхъ людей, пунктовъ, о которыхъ высказалось не разъ общество въ Россіи хоть намеками, если не ясно, которые провести въ дѣло совсѣмъ не трудно, при небольшой смѣлости и настойчивости, какихъ къ крайнему стыду не доставало у насъ и у тѣхъ, кто прекрасно понималъ необходимость реформъ, о коихъ мы говоримъ дальше. Безъ этихъ реформъ не можетъ существовать теперь ни одно дорожащее своею будущностью общество, ни одинъ самый умѣренный человѣкъ сколько нибудь себя уважающей, — люди же болѣе радикальныхъ идей не могутъ не желать ихъ, какъ расчистки дороги для дальнѣйшаго прогресса. Всѣ эти реформы сводятся къ отмѣнѣ допотопнаго чудища — всероссійскаго самодержавія, которое не можетъ быть ничѣмъ другимъ, какъ господ-

ствомъ чиновниковъ, трусливыхъ, своекорыстныхъ, невѣжественныхъ.

Меньше этого нельзя!

Люди всѣхъ краевъ и племенъ въ Россіи, судьбами которыхъ внутри и внѣ, теперь и на будущее время, распоряжаются безконтрольно эти чиновники, должны потребовать немедленнаго созванія выборныхъ отъ всѣхъ ихъ на земскій соборъ, необходимый уже въ виду однихъ финансовыхъ тяжестей, налагаемыхъ на всѣхъ ихъ войною, и растраты средствъ страны безконтрольнымъ распоряженіемъ чиновниковъ и дерзостью стакнувшихся съ ними банкировъ, откупщиковъ и подрядчиковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, уже вслѣдствіе обширности и разнохарактерности краевъ и племенъ населенія Россіи, необходимо на первыхъ же порахъ, вмѣстѣ съ установленіемъ общей политической свободы, положить прочное начало и мѣстному самоуправленію расширеніемъ правъ общинъ, уѣздовъ и губерній съ предоставленіемъ имъ права войти въ обсужденіе объ образованіи между ними болѣе широкихъ союзовъ для совмѣстнаго веденія областныхъ дѣлъ въ краяхъ болѣе однородныхъ по интересамъ и составу населенія,—какъ напр. земли Сибирскія, Сѣверное Поморье, Пріуралье, Южное и Верхнее Поволжье, Край Пріозерный, Центральная Великороссія, Край Балтійскій, Земли Литовскія, Бѣлоруссія, Польша, Украина Правобережная, Украина Лѣвобережная, Украина Новороссійская, Бессарабія, Земли Казаковъ, Земли Прикавказскія, и т. д., — такъ какъ всѣ, даже важнѣйшія, дѣла разныхъ краевъ и народовъ страны въ 400,000 кв. миль особенно дѣла народнаго хозяйства и образованія и всѣ дѣла, связанныя съ вопросами національными, такъ же мало могутъ разумно и для всѣхъ безобидно рѣшаться центральнымъ земскимъ собраніемъ, какъ и чиновниками самодержавнаго правительства.

Далѣе, ни въ какомъ случаѣ нельзя терпѣть, чтобъ личная свобода каждаго изъ насъ находилась въ безконтрольномъ распоряженіи губернаторовъ и жандармовъ, которые могутъ ежечасно вторгнуться въ наши домы, вывезти каждаго изъ насъ въ дальнія губерніи, стѣснить право пере-

движенія, отнять заработокъ и т. п. и все это въ отмстку за малѣйшіе проявленіе критики ихъ дѣйствій. А потому нельзя не требовать провозглашенія и обезпеченія неприкосновенности личности безъ суда, отмѣненъ административныхъ наказаній и III отдѣленія и всѣхъ подобнаго рода установленій.

Въ теперешнюю систему чиновничьяго господства надъ Россіею входитъ и отнятіе у населенія возможности согласиться между собою и повѣрять дѣйствія чиновниковъ посредствомъ печати и устнаго обмѣна словомъ на собраніяхъ, — безъ чего нетолко невозможенъ общій контроль надъ дѣлами государства, но даже и дѣйствія земскихъ и городскихъ учрежденій, и самые воборы обращаются въ формальность, а выборные люди въ новыхъ чиновниковъ-начальниковъ населенія. А потому нельзя не требовать свободы печати и собраній, а также и свободы науки и обученія, которое одно можетъ дать твердые основы дла общественной жизни.

Выступать противъ турецко-мусульманскаго фанатизма, требовать жертвъ отъ населенія Россіи всѣхъ религій и племенъ, — и въ тожс время заставлятя разновѣрцевъ въ смѣшанныыъ бракахъ съ православными крестить дѣтей въ православіе, стѣснять право службы католиковъ и евреевъ, обученіе католиковъ въ университетахъ, не позволять евреямъ свободнаго жительства по всей странѣ, наказывать обращеніе отъ православія въ другія вѣроисповѣданія, и звать ихъ обиднымъ именемъ раскола, мучить отпавшихъ по убѣжденію отъ православія военными экзекуціями, ссылкой въ Сибирь, денежными штрафами, заключеніемъ въ тюрьмахъ, въ монастыряхъ и другими притѣсненіями, которыя наприм. „вѣротерпимо“ продѣлываются надъ штундистами, подъ видомъ увѣщеванія, отнимать у поляковъ, украинцевъ, грузинъ, молдаванъ и пр. возможность въ своей странѣ учиться на родномъ языкѣ, воспрещать даже всякую книгу на украинскомъ языкѣ, — чего никогда не было въ Турціи, отъ которой мы взялись освобождать братьевъ, — и вообще совершать всякаго рода насилія надъ совѣстью и племенными особенностями милліоновъ людей, — значитъ совершать вопіющія несправедливости и про-

тивурѣчія, не только совершенно непростительныя, но дѣйствующія разрушительно на общественную нравственность. Кромѣ того, — этими порядками религіозной и національной исключительности посѣваются раздоры въ средѣ населенія, ослабляющіе въ настоящее трудное время единодушіе и даже внѣшнюю силу государственнаго союза передъ врагами.*) Поэтому необходимо провозглашеніе и огражденіе началъ полной религіозной свободы и равноправія и неприкосновенности каждой національности, входящей въ составъ Россіи.

Само собою разумѣется, права эти должны быть дополнены дополнены подчиненіемъ чиновниковъ общему суду, къ которому долженъ получить возможность требовать ихъ каждый, чьи интересы нарушитъ чиновникъ своими дѣйствіями и распоряженіями.

Это все самыя меньшія изъ реформъ политическихъ. Само собою, что этимъ не будутъ устранены всѣ тѣ неправды, отъ которыхъ терпитъ населеніе Россіи, особенно неправды соціальныя. Эти послѣднія могутъ быть устранены только коренными измѣненіями экономическаго строя т. е. переходомъ всей земли и всѣхъ орудій производства въ руки работниковъ, обладающихъ равномѣрными знаніями. Но и при теперешнихъ порядкахъ существуютъ, конечно, меньше чѣмъ половинныя реформы, относительно которыхъ общество и литература высказались довольно ясно: реформа въ податной системѣ, особенно отмѣна подушнаго и соляного налога и повѣрка крестьянскихъ надѣловъ и платежей, съ цѣлью увеличить надѣлы совершенно недостаточные, дать новые надѣлы обезземеленымъ (быв. дворо-

*) По новѣйшимъ вѣстямъ изъ Украины, Министерство Народнаго Просвѣщенія распорядилось о томъ, чтобъ въ учителя гимназій по русскому языку, литературѣ и исторіи въ Украинѣ назначать только *великороссовъ*, а существующихъ уже тамъ туземныхъ переводить въ сѣверовосточныя губерніи, къ исполненію чего уже и приступлено. Подобныя мѣры показываютъ, что политика ассирійскихъ царей и князей московскихъ продолжаетъ существовать въ «свободной» Россіи со всѣми ея безчеловѣчіями.

вымъ, чиновникамъ, отказавшимся отъ надѣла по недоразумѣнію и притѣсненіямъ и др.) и уменьшить платежи, во многихъ мѣстахъ значительно превышающіе стоимость полученной крестьянами земли. Невозможно находить несправедливымъ турецкую податную систему и поборы чорбаджей и оставлять неприкосновенными въ Россіи порядки, при которыхъ исчезаютъ, вслѣдствіе взысканія недоимокъ, съ лица земли цѣлыя деревни (двѣ деревни Шереметьева), судятся и ссылаются административнымъ порядкомъ крестьяне чигиринскіе за протестъ противъ тѣхъ надѣловъ, которые должна была отмѣнить даже русская власть, выселять цѣлыя села уральскихъ козаковъ и т. д. Въ заключеніе невозможно выдавать себя защитникомъ экономическихъ реформъ въ Турціи, требовать ихъ даже вооруженною рукою, — и морить въ казематахъ тѣхъ, кто только теоретически протестовалъ противъ подобнаго же угнетенія массъ въ Россіи, сѣчь этихъ людей и истязать въ тюрмахъ волею Треповыхъ и слугъихъ, — потому необходима полная амнистія (освобожденіе) всѣхъ политическихъ преступниковъ въ Россіи, какъ дѣйствовавшихъ противъ порядковъ, которыхъ нельзя назвать разумными даже съ самой умѣренной точки зрѣнія.

Таковы наименьшія перемѣны, необходимыя для того, чтобъ дать Россіи основы сколько нибудь свободнаго государства и даже сдѣлать ее болѣе крѣпкою въ теперешній военный кризисъ. Возраженіе, что нельзя производить подобныя перемѣны въ военное время, совершенно несостоятельно: замѣнить людей своекорыстныхъ и невѣжественныхъ, съ неба упавшихъ на страну, людьми выбранными и болѣе свѣдущими и поставить ихъ подъ контроль общественнаго мнѣнія никогда не можетъ быть вредно. Къ стыду нашего общества приходится въ отвѣтъ на подобныя возраженія указать на примѣръ Турціи, — которой вовсе не повредила, а помогла перемѣна формы правленія и даже личностей командующихъ войсками въ самое горячее время.

Мы не беремся указывать подробностей способовъ, какими должны быть достигнуты вышеназванныя перемѣны. Но, конечно, что то, что необходимо сдѣлать, должно быть

сдѣлано всѣми способами отъ законныхъ, до насильственныхъ. Пусть каждый въ своей сферѣ,—въ земскихъ, сословныхъ, городскихъ, въ мѣстныхъ собраніяхъ и управахъ, въ печати, въ ученыхъ и частныхъ обществахъ поставитъ ясно вопросъ о необходимости подобныхъ реформъ, настаиваетъ на постановленіи о необходимости просить ихъ, требовать,—и наконецъ откажетъ въ повиновеніи, и прямо сопротивляется дѣйствіямъ и учрежденіямъ имъ противнымъ,—гонитъ вонъ изъ своего дома жандармовъ, не слушаетъ цензоровъ, и т. п., выступаетъ съ своими требованіями публично, и тогда теперешніе порядки не просуществуютъ и двухъ недѣль. Не подлежитъ сомнѣнію, что дружныя заявленія требованій политической свободы въ пяти-десяти земскихъ и дворянскихъ собраніяхъ, городскихъ думахъ, совѣтахъ университетовъ и т. п. собраніяхъ, которыя теперь позорятъ себя пассивнымъ безусловно-холопскимъ заявленіемъ преданности правительству, которое губитъ страну и, которое ровно никто не уважаетъ искренно,—не подлежитъ сомнѣнію, что такія заявленія требованій о перемѣнѣ правленія даже не въ одинъ день повсюду, а по очереди, поведутъ за собою подобныя же дѣйствія въ другихъ собраніяхъ. Первымъ рядамъ придется поплатиться административными наказаніями, но срокъ ихъ не можетъ быть дологъ, такъ какъ, при сколько нибудь дружномъ натискѣ, теперешняя правительственная система долго не продержится. Надо же кому нибудь начать! Да надо же кому нибудь попробовать и просто силою не позволять административныхъ наказаній!

Мы вправѣ надѣяться почина къ установленію политической свободы въ Россіи въ особенности отъ дѣятелей провинціальныхъ. Ораторы столичныхъ собраній, люди съ громкими именами, съ широкими связями и большими средствами, даже тѣ, кто не прочь пофрондировать противъ администраціи, даже болѣе искренніе земцы и конституціонисты въ душѣ, все-таки слишкомъ испорчены близостію къ высшей администраціи, связями съ дворомъ, теперешнимъ и будущимъ, чтобъ смѣло и честно высказать публично даже то, что они говорятъ по угламъ и салонамъ. Пусть же скажутъ это люди попроще, побѣднѣе, и за то по-

честиѣе, въ особенности люди провинцій, которымъ всего тяжелѣ приходится сносить иго чиновниковъ *).

Перемѣны же, которыя намѣчены нами не представляютъ ничего невѣдомаго, утопическаго, трудно осуществимаго, — а тотъ minimum, безъ котораго не можетъ жить теперь ни одно дорожащее своими интересами общество; — перемѣны эти рано или поздно, все равно будутъ введены въ Россіи,—значитъ, чѣмъ раньше, тѣмъ лучше, тѣмъ

---

*) Извѣстно, что наши дворянскія «громкія имена» совсѣмъ не затрудняются украшать собою даже *застѣнки шпіоновъ* Шотдѣленія, какъ наши ученые и поэты, особенно изъ славянофильствующихъ, не стыдятся служить въ заплечныхъ мастерахъ противъ науки и литературы, въ *цензурѣ*. Кстати припомнимъ недавній шумъ, поднятый письмомъ г. Аксакова къ г. Фарлею, въ которомъ московскій ораторъ-банкиръ, сынъ литератора-цензора, печатавшій въ своей газетѣ «Москва» доносы на харьковскаго профессора Каченовскаго и г. Кулиша, назвалъ полковника Уеллеслея шпіономъ. Батюшки! — что благороднаго негодованія противъ предполагаемаго чужого «шпіона» проявили тѣ, кто не смѣетъ и пикнуть противъ шпіоновъ внутренняго производства и даже хвалятъ ихъ мудрость! Но особенно отличилась одна петербургская газета благороднымъ негодованіемъ по поводу замѣчанія г. Фарлея, что г. Уеллеслей принадлежитъ къ слишкомъ извѣстной фамиліи, чтобъ быть шпіономъ. Петербургской газетѣ этотъ доводъ показался не убѣдительнымъ, — въ чемъ она была отчасти и права. Но несчастный геній безоглядnаго лакейскаго хвастовства, чрезвычайно распространенный въ русской печати, внушилъ ей слѣдующія строки: «Г. Фарлей, какъ англичанинъ, забылъ, что Россія страна по преимуществу демократическая и что сами наши аристократы, между которыми много потомковъ Рюриковичей, не приписываютъ себѣ свойствъ бѣлой кости.» По дѣломъ англійскимъ аристократамъ: зачѣмъ терпятъ у себя посломъ Шувалова, бывшаго начальника шпіоновъ! Но если петербугская газета не хотѣла похвалить русскихъ аристократовъ, не только вчерашняго дня, въ родѣ Тимашевыхъ, и третьяго дня, въ родѣ Левашовыхъ, Шуваловыхъ и т. п. но и Рюриковичей Долгорукихъ, Гедиминовичей Голицыныхъ и т. д., за то, что они служатъ по шпіонскей части на ряду съ «демократами,» въ родѣ Мезенцевыхъ, Треповыхъ, — то не понимаемъ, что она хотѣла сказать. Если служба въ шпіонахъ и лакейство есть демократизмъ, то, конечно, русское титулованное дворянство превосходитъ демократизмомъ всѣ европейскія: оно даже и въ Россіи самое неджентльменское и самое раболѣпное сословіе, хоть и болтаетъ въ салонахъ своихъ, а особенно за границею о конституціяхъ! Кажется, давно уже насталъ часъ, когда пора бы той части его, которая претендуетъ на порядочность, перестать подавать руку своимъ лакействующимъ и полицействующимъ кузенамъ и перестать довольствоваться одной *болтовней* о конституціи!

меньше испытаетъ она потерь нравственныхъ и матеріальныхъ, а особенно теперь, когда дорогъ всякій часъ.

Перемѣны эти, конечно, могутъ сдѣлать только образованные люди разныхъ племенъ Россіи, славянскихъ и неславянскихъ, подавляемыхъ теперь деспотическимъ правительствомъ, но имъ могутъ оказать хоть нравственное содѣйствіе, — къ своей же выгодѣ, и общества племенъ западно-славянскихъ, — начиная отъ такихъ, которыя входятъ и въ Россіи, — малоруссовъ и поляковъ, и оканчивая словаками чехами, лужичанами, словинцами и хорватами. Если онѣ не хотятъ долѣе мучиться несбыточными надеждами, ни быть предаваемы, какъ когда то малороссы, а теперь сербы, — въ частности напр. если словинцы и чехи не хотятъ въ будущемъ быть преданы „бранденбуржцамъ“, — то пусть помогутъ хоть нравственнымъ сочувствіемъ превращенію Россіи въ свободную страну и образованію новой всеславянской партіи, свободной, народно-федеральной, которой одной можетъ принадлежать будущность и торжество надъ разнообразными видами порабощенія славянскихъ народовъ чужимъ притѣснителямъ, — если не въ настоящую минуту, когда Деспотія Россійская испортила возможность освобожденія хоть славянъ балканскихъ, то въ близкомъ будущемъ, когда освобожденные отъ ига ея народы и общества смогутъ взяться за это дѣло при лучшихъ условіяхъ.

М. Драгомановъ.

Женева
29-го августа 1877.

ИЗДАНІЯ ЭТОГО ЖЕ АВТОРА

ВЪ РОССІИ:

Вопросъ объ историческомъ значеніи Римской имперіи. Кіевъ 1870 г. Цѣна 1 р. 50.

Малорусскія народныя преданія и разсказы. Кіевъ 1876 г. Цѣна 2 р. (Изъ III тома Зап. Югозап. отд. Р. Географ. общ).

Про українських козаків, татар та турків. Кіевъ 1876 г. Ц. 10 к.

Повісті Іосифа Фельковича з переднім словом про галицько-руське письменство. Кіевъ 1875. Ц. 1 руб.

Историческія пѣсни Малорусскаго народа съ примѣчаніями Вл. Антоновича и Драгоманова. Томъ I. Пѣсни вѣка дружиннаго и княжескаго. Пѣсни вѣка козацкаго: А) Пѣсни о борьбѣ съ татарами и турками. Кіевъ 1874 г. (Удостоено премій Академ. Наукъ въ Петербургѣ). Томъ II. вып. I. В. Пѣсни о борьбѣ съ поляками. Кіевъ 1875 г.

ЗА ГРАНИЦЕЙ:

Movimento letterario ruteno in Russia e Gallizia. Firenze 1873. Lœscher. 1 Fr.

Украинець. Література россійска, великорусска, украинска и галицка. Львов 1873—74.

Галицько-руське письменство. Львів. 1876 Ц. 12 кр. австр.

По вопросу о Малорусской литературѣ (Панславизмъ, панруссизмъ и панмалоруссизмъ). Вѣна C. Helf, 1876 г. Ц. 80 К.

Турки внутренніе и внѣшніе. Женева 1876 г. Georg 1876. Ц. 1 фр.

Народні школи на Україні серед життьа і письменства в Россіі. (З виданьиа «Громада»). Женева Georg 1877 г. Ц. 2 фр.

Дѣтоубійство, совершаемое русскимъ правительствомъ. Женщины процесса московск. соціалистовъ. Женева Georg 1877. Ц. 25 с.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Громада (Община. La Commune. Die Gemeinde). Українська збірка. впорьадкована М. Драгомановим.

М. Драгоманова: Про вільних козаків і невольу турецьку.

Его-же: Украйнофильство и соціализмъ въ Руси Венгерской

У GEORG ВЪ ЖЕНЕВѢ И C. HELF ВЪ ВѢНѢ:

Лихі льуде. (Les Malicieux) Повістъ з виданьиа «Громада». Женева 1877 г. 2 фр.

Про багатство та бідність. Ціна 25 Сант.

Про те як наша земльа стала не наша. Ціна 40 сант.

Про хліборобство. Як де земльа упорьадкована і як би слід йійі держати. Ціна 80 сант.

Записки южнорусскаго соціалиста. Выпускъ первый. Цѣна 1 фр.

Imprimerie Russe du *Rabotnik*, Montchoisy, 26, Genève.